

Владимир Зенков
Сто двенадцатый коридор

18+

Владимир Васильевич Зенков

Сто двенадцатый коридор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684136

SelfPub; 2019

Аннотация

Люди всегда стремились создать себе подобное искусственным путем и преуспели: от средневекового голема до нынешних роботов прогресс изрядный. Хотя и не вполне – человеку очень хочется приблизиться к Творцу и создать нечто живое. Это желание удивительно еще и тем, что воспроизводством себе подобных естественным путем люди занимаются неведь сколько лет. В мечтаниях своих они уже не только создали себе подобных, но и всерьез занимаются морально-этическими проблемами предстоящих взаимоотношений. Слетаем с синтетическим напарником в дальний поиск, каково там придется? Как сложатся отношения?

Коридор: в авиации – маршрут, обслуживаемый средствами контроля, наблюдения и связи.

В распахнутые створки огромного венецианского окна задувал ветер, полоскал шелковую портьеру, гнул вершины могучих кленов в старинном парке, шумел листвой сильно и ровно. Шум этот, запах влажной земли и молодой зелени поднимал со дна души тревожный осадок, навевал странные небывалые воспоминания: будто это когда-то уже было, в какой-то другой жизни.

Пасмурный день нежил деревья и стриженую траву после жарких погод начала лета.

За спиной звякнуло стекло, круглый перекатывающийся басок пророкотал:

– Давай, Петрович, чего ты там размечтался.

Александр неохотно отвернулся от дивного пейзажа. Начальник Управления дальнего поиска Николай Федорович Кривцов, рослый, широкоплечий, слегка сутулый, в безукоризненном темно-синем мундире и ослепительной сорочке с галстуком, расставлял на закусочном столике рюмки, коньячок, тарелочки с лимоном и семгой.

Плеснул в хрустальные лафитники коньяку:

– Ну, со свиданьем.

Погрел лафитник в руке, сунул в него внушительный нос, вдохнул. Потом выпил, хорошо крякнул, пососал ломтик ли-

мона.

– Сколько мы не виделись, пару лет?

– Три года.

– Да, брат, время летит.

– За что я тебя люблю, так это за свежесть мысли.

Кривцов хохотнул:

– У людей черти лучше, чем у меня друзья. Три года не виделись, а он в своем репертуаре. Язвит, видите ли.

– То ли еще будет. Не зря же ты меня в дом инвалидов пригласил.

Управление дальнего поиска расположилось в старинном трехэтажном особняке в сердце Липецкой губернии, неподалеку от Ельца. Здесь находилось высшее руководство Управления внешней космической разведки. В глубине некогда помещичьей усадьбы прятались гостиничный и жилой комплексы, посадочные площадки и технические службы.

Все высшее руководство головного и структурных управлений назначалось из строевых разведчиков, поисковиков, десантников и пилотов. Не всегда люди эти блистали административными талантами, но они на себе испытали все «прелести» тяжелой и опасной работы. Посторонних здесь опасались хуже чумы, поскольку печальный опыт был. Ретивым администраторам путь сюда был заказан намертво. Московские клерки из огромной конторы материальной части ядовито окрестили старую дворянскую усадьбу домом инвалидов.

С Кривцовым Александра связывала многолетняя дружба: вместе закончили Московскую академию, вместе мотались на коммерческих рейсах. Потом, коротко посоветовавшись, плюнули на приличные заработки, и ушли в разведку. «Ошкуривались» на учебных полигонах ходили в поиск и разведку в такую даль, что сознание просто не воспринимало немислимые расстояния.

Александр искренне любил солидного, неспешного в обыденной жизни Кривцова, который в нужное время проявлял силу и реакцию пантеры. В отпусках Федорыч был любителем в меру клюкнуть и пошататься по бабам.

Александр подсмеивался над другом:

– Федорыч, сколько знаю Кривцовых, Клевцовых, Клицовых – все на одно лицо: здоровенные, сутулые, носатые. Какой-то твой предок здорово погулял – пол-России своей продукцией завалил.

Николай с достоинством отвечал:

– Мы, Кривцовы, из древнего племени славян-кривичей. В нас огромная мужская сила заключена, поэтому мы все на одно лицо. В наших семьях девки почти и не рождаются, не то, что у некоторых бракоделов. Намешали в себе дурной крови – от французов до монголов, не разберешь, какой вы нации.

Пять лет назад Федорыча по причине пошатнувшегося здоровья списали с летной работы. Он на удивление быстро продвинулся по служебной лестнице и ныне пребывал

в должности начальника структурного управления дальнего поиска.

– Ну, зачем вызывал?

Наливая по второй, Кривцов пророкотал:

– Да уж не по пустякам, Петрович, не по пустякам.

Включил джей-плеер. Над письменным столом выросла чудной красоты голограмма – переливающаяся всеми цветами россыпь звезд сияла живоносным огнем, разворачивала спирали и облака галактик.

Кривцов увеличил изображение:

– Вот она, наша роднуля. Здесь, в первом квадранте, в кубике 98-70-20, есть номерная звездочка. Ты верно в тех местах не бывал, это коридор 112, самый захудалый и мало посещаемый.

Звездочка так себе, карлик как карлик. Внутренние процессы в нем какие-то уникальные. Очень ими ядерщики заинтересовались.

Гипотеза о существовании таких звезд давно бытовала. Теперь она подтвердилась, и у ядерщиков прямо родимчик сделался: результаты исследований могут вызвать очередную революцию в науке, а значит, и в развитии технического прогресса, будь он неладен.

Словом, соорудили там, у черта на куличках, станцию на орбите третьей планетки. Станция богатейшая, с перспективой на будущее. Большая часть ее законсервирована. Так вот, ученые пуляют свои зонды в этот карлик, умственно тру-

дятся – все как положено. Смена маленькая, двадцать четыре человека, дежурят по полгода.

И вот, сей карлик, видишь ли, кунштюк выкинул: вроде бы, в результате некоторых термоядерных процессов, произошли резонансные явления в полевых структурах. В результате станция приказала долго жить. Вместе с ней погибли все бедолаги-ученые. За исключением одного: француза Эжена Куртье. Ну, ты о нем слышал. О том, чем он там занимается, я имею самые туманные представления. Да это нам и не нужно.

Француз находится в самой прочной части станции, в одном из барабанов в основании спиц тора. В каком именно, неизвестно, но то, что он в барабане, это абсолютно точно, поскольку в них только внутренние бронекоробки. Больше ему прятаться просто негде.

Он сумел запустить аварийный маяк гиперсвязи. Информационная емкость у этого маячка, сам знаешь какая – десяток слов. Сообщил, что у него достаточно воздуха, воды и продовольствия. То, что кроме него все погибли, абсолютно точно.

Кривцов вздохнул:

– Обратной связи, как ты понимаешь, нет. А он не знает, будет ли ему помощь. В такой ситуации человек долго не протянет даже при наличии воздуха, еды и питья. Насколько мне известно, в этом плане у него никакой подготовки нет.

Положение осложняется тем, что цепь финишных гипер-

маяков на подходе к станции сильно пострадала. Откровенно говоря, – Федорыч поскреб затылок, – неизвестно вообще, работает ли она. А если работает, то как? Хуже всего, если настройки сбиты. Так что финишный створ для выхода из джампа придется программировать по матрице-шаблону. А эта процедура, сам знаешь, какая.

Начальник управления помолчал.

– Дела у Куртье аховые. Вот его, брат ты мой, и надо вызвать. Кроме тебя туда никто не сбегает, так ты уж постарайся.

Александр рассеянно посмотрел на голограмму:

– Какой ты кубик назвал? 98-70-20? Елки-моталки, это же на пределе досягаемости.

– Да уж, не близко. Придется идти на легком поисковике, только они безукоризненно в джамп-режиме работают. Да и в прямой космогации концы изрядные получаются, и здесь скоростенка лишней не будет.

Пойдете вдвоем, больше народу брать нельзя, поелику велено вместе с этим Эженом забрать результаты исследований, которые эту самую научно-техническую революцию и реализуют.

Александр задумался. Само по себе дело было достаточно простым. Но вот дальность, полная неизвестность того, какая там обстановка, сильно осложняли задачу.

Кривцов, покосившись лупатым глазом в окно, проговорил:

– Старик, я тебе задачу предварительно объяснил. Подробности чуть позже. Давай-ка, дружок, выпьем, – и набухал мало не по полному лафитнику коньяка.

– Мы, чай, с тобой три года не виделись. Могу я со старым приятелем за воротник заложить?

– Как можно, экселенц! Такое пристало, простите, лишь боцманам в портовом кабаке. Ваш день, вероятно, расписан по минутам?

Кривцов значительно сказал:

– Друг мой! Тот, кто не отыщет для старого товарища час-полтора – просто неудачник. Чем бы он, каналья, не занимался.

– Ваша правда, экселенц. Поехали.

Пропустили по чарочке. Федорыч достал темно-синюю пачку сигарок «Мистер Спэйс», предложил.

– Старик, ты с ума сошел! Здесь же запрещено курить.

– Плевать мы хотели на всякие дурацкие запреты. У нас свои порядки.

Ткнул на селекторе клавишу «confidentially», блудливо скосил глаза и пропел баском:

– Одна баба раздурачилась...

Александр подавился дымом, захохотал, вспомнив старую историю.

Как-то в академические времена, пригласили они к себе в комнату двух девчонок с факультета обслуживающих систем. Вечер проходил в полной гармонии. Утомленные кур-

сантки в неглиже, валялись на ковре. Александр в халате развалился в кресле. Федорыч в совершенно непристойном виде – в чем мать родила – подошел к нему с рюмкой.

– Старик, споем. Посвятим наших дам в древнее искусство.

И они запели жуткую похабщину, неведомо из каких исторических глубин, забредшую в современный мир. Песню о том, как в некую деревню привезли огромный фаллос «на восемнадцати возах», и как обрадовались этому событию деревенские бабы.

Кривцов, басистым речитативом наигрывал первую часть куплета, Александр вступал в конце. Потом, сделав испуганные и значительные лица, прижав пальцы к губам, тихонько пели припев:

– Раз-два, люблю тебя,

Люблю тебя...

В этой древней непристойщине было какое-то необъяснимое очарование, словно в куске старого домотканого полотна, расшитого петухами.

Курсантки хохотали, как нанятые – академическая литература о таких песенках просто не знала.

В разгар сценического триумфа наглухо запертая дверь комнаты открылась, и пожаловал местный патруль нравов во главе со старой девой – преподавательницей психологии гуманоидных цивилизаций.

Остолбеневший патруль лишился дара речи. Знаток гума-

ноидной психологии, однако, не потерялась. Она довольно долго и очень пристально смотрела на голого Кривцова, потом резко повернулась и вышла. Обалдуи из патруля, потоптавшись, тоже выкатились.

Александр, вздохнув, сказал:

– Ну, вот, накрылся зачет по гуманоидной психологии.

Федорыч, со вкусом вытянув рюмку, завертел носом:

– Не бойсь, мастер, леди нам простит. Всем нутром чую.

Большой знаток женской души, Кривцов, оказался прав – леди простила.

Смеялись много, вспоминая золотые годы. Отпыхавшись, Александр сказал:

– Ну, старый черт, знаю, зачем ты все это затеял. Небось, неприятность, какую готовишь?

Федорыч глубоко вздохнул, зачесал на затылке остатки шевелюры:

– Не без этого, Петрович, не без этого.

Стал серьезным.

– Дело в том, что тебе придется лететь с биоформом.

Александр осел:

– Ты что, шутишь? Ты же знаешь, как я к ним отношусь.

Кривцов неожиданно жестко сказал:

– А кого интересует твое отношение? Несмотря на внешнюю простоту, задача чрезвычайно сложная. На одну коррекцию по матричному шаблону у тебя два дня уйдет. Биоформ выполнит это в течение часа.

Он помолчал.

– В результатах исследований заинтересованы самые могущественные корпорации Системы. Сегодня ты – та самая, единственная точка устремлений всего нашего мира.

Конечно, финансовые возможности этих корпораций таковы, что они вполне могли бы послать туда целую армаду. Но в этом просто нет необходимости. Я уверен, что ты справишься, и справишься отлично. Согласись, могут возникнуть любые нештатные ситуации. А в этих случаях лучше биоформа помощника не найти.

Александр вяло сопротивлялся:

– Федорыч, ну не перевариваю я этих человекоподобных кукол. Аллергия у меня на них.

Кривцов снял мундир, закурил сигарку, засунул руки в карманы. Долго ходил, ссутулившись, возле окна.

– Саша, я понимаю твою неприязнь. По-человечески понимаю. Но тебя не было на Земле три года. А ты ведь знаешь, какими темпами движется прогресс. Это уже давно не куклы.

Помолчав, неохотно сказал:

– Ты меня знаешь, как облупленного. Из меня, брат, философ никакой. Не умею я мыслить вселенскими категориями. Но, знаешь ли... Я вот на этих биоформов смотрю, и даже я понимаю, что человек по своему могуществу к Господу приблизился. Это, брат, люди.

Александр разозлился:

– Будет тебе сказки-то плести. Какие это люди? И на кой их человекоподобными сделали? Ну, была бы машина – все понятно. Робот он и есть робот. Я вот с тобой собачусь – значит, мы люди. А они?

Кривцов качнул головой:

– Ах, дружок, думаю, ты со своим напарником собачиться будешь не меньше. Их эмоциональный мир несколько не уступает нашему. Скажу тебе больше: меня пугает не столько то, что они уже люди, а то, что они люди лучше нас – чище, возвышенной, добрей. У них нет никакой внутривидовой борьбы, им не нужны ни деньги, ни слава, ни должности. Я тебе не зря сказал, что человек уже уподобился Господу. С тем только отличием, что Бог, видно, нарочно сотворил нас несовершенными, а человек сделал свои творения выше себя самого. Грех это, Саша, большой грех.

– Словом, давай, дружок, – Кривцов ногой выкатил из-под стола ребристый металлический кейс – Александрову укладку.

– Вещички твои здесь. Извини, кое-какие мелочи я на свой вкус выбирал. Пирожки тебе Алена передала, съешь их сегодня. Челнок мой на полосе у второго СКП. Возьми на стоянке любой флаер и дуй. Старт с нашей лунной базы. Координатор – старина Фил Стивенсон. Напарника твоего величают, – Федорыч запнулся и, сделав невинные глаза, продолжил, – точнее, напарницу, Анна Залевски.

Александр скрипнул зубами:

– Совсем ты меня, старый хрен, зарезал. Мало того, что оно биоформ, так оно еще и баба.

– Баба, баба, Саша. И красивая, скажу тебе, баба. Можешь ее даже трахнуть, – Кривцов заржал, – они это уже умеют. Только детей рожать еще не научились. Но насиловать не советую, она десятерым, таким как ты, пачек накидает. Впрочем, вы поладите.

Александр сплюнул:

– Тьфу ты, охальник.

Вконец обозленный, он заложил крутой вираж, целясь поближе к кровле. Флаер вспорол воздух, медные листы задрезжали. С удовольствием выслушал ругань диспетчера на счет старых козлов, впавших в детство.

Молодой парнишка, пилот челнока, взялся, было помогать – подключать многочисленные коммуникации скаффандра. Александр зарычал:

– Предохранительную чеку привода пиропатрона на своем кресле выдерни. А то тебе задницу вместе с креслом размажет. Развел хлев.

Испуганный парень выдернул металлический стержень с красным флажком на конце, передал его не менее испуганному технику и погрозил ему кулаком.

– Извините, Александр Петрович.

Александр удивился:

– Откуда меня знаешь?

Парень, устраиваясь в пилотском кресле, вздохнул:

– По учебникам, чиф. Ваши высадки вошли в курс практической подготовки.

Александр хмыкнул:

– Вошел в анналы, надо же. Зажился уже видно.

– Пилот суеверно сплюнул:

– Типун вам на язык, чиф.

Челнок вырулил на старт. Александр вполуха слушал переговоры пилота с командным пунктом:

– Я челнок полста третий. Прошу разрешения на взлет.

– Полста третий, взлет разрешаю. Взлетайте на ВРД, вертикальный старт из третьей курсовой зоны. Время подлета девять минут. Включение маршевого двигателя вручную. На высоте пятьдесят километров – вход в режим автоматического управления и курсовая коррекция. Счастливо!

Тонкий звенящий вой воздушно-реактивных двигателей проникал даже сквозь шлем. Пилот набирал обороты, удерживая многотонную машину на тормозах. Вот он отпустил их, челнок двинулся, быстро набирая скорость. Понеслось навстречу пустое пасмурное небо, линия горизонта ушла вниз. Хлопнули, закрываясь, створки шасси. Земля за бортом приобретала геометрические очертания, тонула в голубоватой дымке.

Завершал зуммер маркера, раздался голос бортового компьютера:

– Судно в зоне старта, выход на вертикаль.

Пилот включил маршевый двигатель, резко задрал нос челнока. Александр почувствовал себя комаром, усевшимся на артиллерийский снаряд – так огромна была мощность машины.

Автомат монотонно отсчитывал перегрузку. Александр рассеянно следил, как в выпуклой сфере обзорного зеркала уходит вниз земля. Края ее выгнулись чашей, сверху обступало черно-фиолетовое небо.

В телефонах раздался веселый молодой голос:

– Полста третий, вы в створе. Курс без отклонений, полет в режиме прямой космогации, управление по программе. Дозаправка на танкере номер восемнадцать. Шлюзоваться будете в первой секции, шлюз номер пять. Дальше за вами будут присматривать диспетчеры сопровождения.

Замигали проблесковые маяки автоматического танкера, висевшего на суточной орбите. Россыпь звезд выглядела как праздничный фейерверк. Здесь они были свои, домашние, совсем не такие, как в дальнем космосе. Челнок осторожно заходил к заправочной воронке на конце короткой ребристой трубы, заключенной в сетку амортизаторов. Это было сложно – на челноке не было маневровых двигателей. Управление осуществлялось с помощью гибкого сопла маршевого двигателя.

Стыковка шла в автоматическом режиме и шла неважно – подсело питание импульсных излучателей воронки. Пилот лихорадочно возился с ручным корректором. Александр по-

нимал его состояние – вернуться на второй заход не позволяла гордость, а сейчас не очень получалось.

Александр нажал кнопку интеркома:

– Возьми ручное управление, но без давления. Только положи ручки-ножки. Посмотри, как это делается.

Вспыхнул венчик пламени тормозных дюз, челнок замедлил движение. Пара коротких импульсов маршевого, неуловимое движение штурвалом и заправочная штанга вошла в центр воронки.

– Спасибо, чиф, – парень говорил зажатым от неловкости голосом.

– Охота тебе начальство возить? Шел бы эксплуатационником.

Пилот солидно сказал:

– Я кантуюсь, чиф. Уже получил назначение стажером на десантную посудину.

– Ну, вот и дело. Там из тебя в два счета пилота сделают.

Потом Александр неожиданно заснул. Шумели во сне клены старого парка, улыбалось чье-то до боли родное лицо и странная, глубокая тоска сжимала сердце.

– Александр Петрович, проснитесь, приехали, – над ним наклонился парнишка-пилот. Александр, со сна плохо сообщая, осмотрелся. Коммуникации скафандра уже были отсоединены, шлем снят. Он удивился про себя: вот задрых, поисковичок. Лениво выкарабкался из кабины, спустился по стремянке.

Челнок улегся в конце огромного ангара с ребристыми дугами шпангоутов, залитого ярким светом. Лязгая магнитными подошвами, подошел старина Стивенсон, огромный, рыжий, добродушный. Гулко хлопнул по спине:

– Здорово, Петрович! Сто лет тебя не видел, – бородач лучился искренней радостью.

– Здорово, бродяга. Рад тебя видеть.

– Нет, Сашенька, уже не бродяга, уже пенсионер. Вечерами кружка пива, партия в домино – стариковские дела.

– Будет тебе прибедняться, – Александр открыл крышку багажного отсека, достал укладку.

– Где моя посудина?

– С той стороны, Саша. Все серьезные лоханки с той стороны. Пошли, – он загромыхал, словно Голем, по узкой металлической дорожке.

Шелестела стальная, обрезиненная лента транспортера, уходя в далекий полумрак. Тянулись пунктирами, сходились в перспективе неяркие цепочки фонариков, отражаясь в стенках прозрачной трубы. Рядом была такая же, где дорожка бежала в другую сторону.

Тишина. Стивенсон помалкивал, жевал зубочистку, думал о чем-то своем.

Александр испытывал странное, глухое, злобное раздражение – не нравился ему этот полет. Не удержался, ругнулся вслух. Старина Фил встрепенулся:

– Ты чего, Саша?

– Не хочу лететь, настроение дрянное.

– Эх, дружок, меня бы на твое место.

– Скажите, радость, какая.

– Еще бы. Ты знаешь, какая премия тебя ожидает в случае выполнения задания?

– Впервые слышу.

– Заинтересованные корпорации под эгидой Ai-FX учредили такую премию, дружок, что тебе трех жизней не хватит, чтобы ее потратить.

– Фил, тут бы одну жизнь сохранить.

– Да, я в курсе – задание поганое, но ты справишься.

– Дай-то бог.

– Саша, тебе выходить. Извини, я еду дальше, дела кое-какие есть. Посудина твоя, поисковичок «Зеро-510» полностью готов к старту. Напарница возится с последними проверками – настырная девка. Ну, давай, Саша, удачи тебе.

Александр пожал твердую, огромную, как лопата, ладонь и вышел в раздвинувшиеся прозрачные створки.

Полукруглыми арками уходили ввысь, терялись в темноте огромные ребра шпангоутов. Трудно было представить себе размеры ангара, а ведь это был только сектор поисковиков. Даже звуки пропадали в бесконечном помещении – голоса, вой сервоприводов, сигналы контрольных систем были едва слышны.

Александр стоял у края галереи, тянувшейся поперек ан-

гара. «Зеро-510», пространственный прямоточник, неряшливо развалился внизу в круге яркого света. Подумал:

– Надо же, до чего несуразное устройство. То ли дело атмосферники – песня!

Александр поморщился: поисковичок больше всего напоминал трубку Вентури, которую устанавливали на старинных самолетах для измерения скорости – два раструба на концах широкой короткой трубы. Плюс вынесенные кронштейны с ионными двигателями, плюс хозяйственный модуль. А, кроме того, еще и рабочий, набитый роботами. Прибавьте сюда планетный бот и спасательную капсулу. Все это закреплено на решетчатых фермах, и стороннему человеку ни за что не догадаться, что за устройство перед ним.

Пространство открыли всего тридцать лет назад. Именно открыли – как электричество. Тут же научились пользоваться им – Александр вспомнил школьный опыт с катушкой световода. Длина кабеля была пятьдесят метров, и свет мощного источника воспринимался как яркая точка. На самом деле фонарь находился от наблюдателя на расстоянии тридцати сантиметров. Опыт примитивный, но очень показательный – у пространства оказалась сложная структура. Впрочем, что оно собой представляет, никто не знал. Фундаментальная наука пережила тяжелейший шок и находилась нынче в подвешенном состоянии. Прикладники посмеивались и всю использовали открывшиеся возможности.

Александр спустился с галереи на лифте, вышел в ан-

гар. «Зеро-510» приобрел огромные размеры. Он был облеплен операционными каркасами с контрольной аппаратурой. Впрочем, работа завершалась – аппаратные блоки, урча, уходили под темный потолок.

Недалеко возился техник – конопатый рыжий парнишка. Александр спросил:

– Подскажи-ка, дружище, где мне найти Анну Залевски?

Парень сунул отвертку в набедренный чехол и с видимым удовольствием оторвался от работы.

– Да вон она, у носовой «пэмэушки» возится, – он язвительно улыбнулся, – не доверяет.

– Правильно делает, лететь-то ей, не тебе.

Пошел потихоньку по ребристой резиновой дорожке технологической галереи, окружавшей корабль. Задумался.

– Похоже, никто не догадывается, что эта Анна – биоформ. А кто догадывается, тот помалкивает.

Прислушался к себе: лететь ощутимо не хотелось. Состояние было угнетенным – предстояло нечто горестное, утрата, которая касалась только его. Если бы что-то грозило экспедиции в целом, ощущения были бы совсем другими. Уж эту-то разновидность предчувствий он знал отлично. А здесь было что-то новенькое, небывалое.

– Какое у меня, к черту, горе? Погибну что ли? Нет, здесь что-то другое.

Стоял долго, уставившись, невидящими глазами на синюю трафаретную надпись на каком-то лючке. Встряхнулся,

сконцентрировал зрение, прочел: «Гидрогенератор Г-45. Перед заливкой гидросмеси открыть дренажи». Злобно сплюнул – дренажи, мать их так. Нет, ребятки, предчувствия предчувствиями, а работать надо. Зашагал решительно к носовой части.

В раструб излучателя противометеоритной установки был задвинут узкий лежак операционного блока. На нем имелась пара рабочих ботинок с магнитными пластинами на толстой рубчатой подошве. Ботинки нетерпеливо двигались, отбивая в воздухе замысловатую чечетку. Александр вежливо постукал по пластинке ключом. В блоке заурчало, лежак выехал из излучателя. Темноволосая, коротко стриженная, девчонка разъяренно вскочила со своего ложа, устала на Александра огромные карие глаза, полыхающие злостью:

– Ну, что на этот раз?

Она доходила ему до плеча, разве что самую малость повыше.

– Ничего, ладненькая, – подумал с удивлением.

Сказал холодно:

– Вообще-то я командир этой лоханки.

Девушка смутилась. Александр с изумлением увидел, как она залилась краской.

– Простите, командир. Меня тут местные техники достали – лезут по всяким пустякам.

Он хмыкнул и неожиданно засмеялся:

– Ну, дело молодое. Они тут как жеребцы стоялые.

Анна покраснела еще сильнее, потом как-то сразу поникла. Александр сообразил, что сморозил что-то... этакое. Не объяснишь что именно, но совершенно ненужное. Излишне сухо поинтересовался:

– Как готовность?

Девчонка стала обстоятельно докладывать:

– Программа составлена, введена в бортовой компьютер, откорректирована привязка к корабельным механизмам. В режиме тренажа работает безукоризненно, замечаний нет. Материальная часть в полном порядке: прямоточник, стартовый резерв топлива, ионные двигатели, основной и вспомогательные генераторы, гидросистемы, цепи управления, операционные роботы, спасательные и каботажные средства – все в действии, все на своих местах.

– Добро, заканчивайте и поднимайтесь на борт.

Узкие коридоры на «Зеро» обиты простеганной квадратами мягкой тканью, отливающей жемчугом в свете плафонов. По стенам – широкие мягкие петли, на случай невесомости. Матово-серая дверь ушла в стену, открыв крошечную каютку: койка-амортизатор, столик размером с сигарную коробку, такого же размера шкафчик. На стене незамысловатый ландшафтик. Королевские покои – только для командира. Экипаж ютился в кубрике. Александр раскрыл укладку, привычно разложил нехитрый скарб, вложил укладку в гнез-

до рундука – шелкнули замки.

– С новосельем вас, Александр Петрович.

Переоделся в штатный комбинезон, оказавшийся в шкафчике – со всеми знаками различия и даже шевроном за спасательную операцию на Лидии. Взглянул в маленькое зеркало на двери, потер щетину на впалых щеках. Хорошее лицо, ничего не скажешь: прямой нос, широкий разлет бровей. Рот привычно сжат, глаза пронзительные, подбородок в меру волевой.

– Да, брат ты мой... Командир корабля, широкоплечий и статный, шести футов росту... Старая перечница, давай за работу.

Зашипел динамик интеркома:

– Командир, помощник Анна Залевски просит разрешения подняться на борт.

Ишь ты, все по уставу.

– Разрешаю.

Задвинул за собой дверь, пошел по коридору в ходовую рубку. Здесь перемигивались многочисленные дисплеи, вспыхивали транспаранты, попискивали зуммеры, мягким баритоном вещал компьютер о ходе подготовки к полету – шла огромная и важная работа тончайших механизмов, где присутствие человека было, вроде бы, уже не обязательным.

Вошла Анна, стеснительно потопталась у комингса:

– Разрешите присутствовать, командир?

Александр поморщился:

– Давайте без формальностей, Анна. Входите.

Уселся в командирское кресло. Анна заняла место правого пилота.

Шестифутового роста, широкоплечий и статный, командир кашлянул:

– Предполетная проверка. Пройдемся по системам, – и развернул планшет с доброй полусотней пунктов.

– Итак, состояние центрального заборника?

– В норме.

– D-генераторы, основной и вспомогательный?

– В норме. Мощность в спящем режиме.

...Пошло-поехало. Занятие нудноватое и, откровенно говоря, бессмысленное.

Во время короткой паузы девчонка спросила:

– Разрешите вопрос, командир?

– Валяйте.

– Для чего эта процедура? Ведь и так все в полном порядке, десять раз проверено и перепроверено.

Александр пожал плечами:

– Традиция. Маленькие пустяки, которые дороги человеку, настраивают его на рабочий лад, придают ему значимость среди всей этой техники, которую он создал и боится запутаться в ней. Это часть огромного мира различных инструкций, которые существуют для того, чтобы довести практические навыки до полного автоматизма в самых трудных ситуациях.

Анна вздохнула и наивно удивилась:

– До чего же сложное существо человек.

Против воли Александр весело расхохотался:

– Тем только и утешаемся.

Помощница недоумевающее посмотрела на него:

– Я не понимаю вашей иронии, командир.

Командир, опять же против своей воли, мягко сказал:

– Мы еще поговорим на эту тему. Давайте продолжим свое бесполезное занятие.

В рубке раздался хриловатый голос диспетчера:

– Зеро пятьсот десятый, вам объявлена десятиминутная готовность. Вас подадут в третий коллектор, выход из шлюза и отход в стартовую позицию прямой космогации на химических ускорителях.

Александр вежливо ответил:

– И на том спасибо. Кстати, Люк, отчего это у тебя голос хриплый? Пивка холодненького перебрал, старый мошенник?

Люк хохотнул:

– Насквозь всех видишь! Было дело, было. Счастливого пути вам, Саша. И удачи.

– Ох, вот это нам не помешает. А ты приготовь-ка упаковочку «Ржавого клюза». Да возьми крепкое, скупердяй!

– Непременно. Счастливо, Саша!

Раздвинулись огромные броневые сегменты коллекторно-

го входа, суппорт с кораблем двинулся вперед.

Пока откачивался воздух из шлюзовой камеры, Александр перебрался в кресло правого пилота, застегнул замки фиксирующего устройства. Анна готовила к запуску химические ускорители. Он внимательно следил за движениями ее рук на панели управления двигателями. Работала быстро и четко, строго соблюдая последовательность включения систем и агрегатов. Искоса взглянула на начальство, слегка улыбнулась:

– Присматриваетесь, командир?

Александр холодно сказал:

– Я присматриваюсь ко всем, с кем работаю. Это входит в мои обязанности. Впредь прошу не отвлекаться на пустые разговоры.

– Есть.

То-то. Я тебе покажу, как болтать во время старта. Он без усилия поставил ноги на педали, легко положил руки на штурвал, готовясь подстраховать в случае необходимости. Она, побледнев от злости, процедила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.